

А. М. ГРАЧЕВА

**Алексей Ремизов —
читатель романа Е. Замятина «Мы»***

В составе библиотечного фонда Парижского архива Алексея Ремизова имеется первое отдельное издание романа Е. Замятина «Мы» (Нью-Йорк, 1952) с владельческой записью и пометами рукой Ремизова.

Текст записи на шмуцтитуле:

«От Евгения Ивановича Замятина передала мне Людмила
Николаевна
30 VIII 1952 III Спас»¹.

Текст вступительной статьи В. Александровой и самого романа испещрен пометами Ремизова, свидетельствующими о внимательном чтении книга писателем. Как обычно, ремизовские пометы представляют собой отчеркивания текста вертикальной чертой без каких-либо словесных маргиналий. Однако характер этих отчеркиваний позволяет реконструировать те языковые, тематические и идеологические аспекты, которые привлекли к себе внимание Ремизова при чтении романа.

Раскрытие истории взаимоотношений Е. Замятина и А. Ремизова — задача специального исследования. Но прежде чем перейти к анализу системы ремизовских помет на центральном произведении Замятина, надо кратко напомнить основные вехи их творческих и человеческих контактов.

* Впервые: Творческое наследие Евгения Замятина: Взгляд из сегодня. Кн. V. Тамбов, 1997. С. 6–21. Публикуется по этому изданию.

¹ Архив А. М. Ремизова. Собрание Резниковых (Париж).

Знакомство писателей произошло в кругу сотрудников журнала «Заветы»² в 1913 г., после возвращения Замятина в Петербург. Обоих литераторов сближала общность эстетических позиций и человеческое взаимопонимание. В 1915 г. появилась повесть Замятина «Алатырь», один из героев которой — «отец Петр, протопоп: мохнатенький, маленький, как домовый»³, — по свидетельству автора, своим обликом и характером во многом был списан с Ремизова⁴. После возвращения из Англии Замятин сразу же посетил Ремизова. Об этом свидетельствует запись в дневнике последнего от 20 ноября 1917 г.: «Приходил Замятин. Накануне вернулся он из Англии. Потянуло на родину погибать»⁵.

Отношение обоих писателей к Февральской революции было различным. Если Замятин, находившийся далеко от России, воспринимал случившееся в окружении романтического флера, то Ремизов считал революцию нарушением естественного пути исторического развития России, началом Смутного времени, логическим развитием которого был Октябрьский переворот. Как отмечают современные исследователи творчества Замятина⁶, его отношение к большевистскому перевороту сближалось по отдельным параметрам с «Несвоевременными мыслями» М. Горького и «Словом о гибели русской земли» Ремизова. Как установил Хорст Лампл, в конце 1917 — начале 1918 гг. Ремизов и Замятин вместе выступали под псевдонимами в ряде эсеровских газет («Дело народа», «Простая газета», «Вечерний звон» — после временных прекращения их названия варьировались) с миниатюрами в жанре политической сатиры, направленной против наступления нового режима на демократические свободы, и прежде всего на свободу печати⁷. Не будем останавливаться на всех видах литературно-общественной деятельности обоих писателей в период с октября 1917 по август 1921 (время отъезда Ремизова

² См.: Письма Е. И. Замятина А. М. Ремизову / Публ. В. В. Бузник // Русская литература. 1992. № 1. С. 176.

³ *Замятин Е.* Алатырь // Замятин Е. Собр. соч.: В 4 т. М., 1929. Т. 1. С. 135.

⁴ *Замятин Е.* Закулисы // Замятин Е. Соч.: В 4 т. Мюнхен, 1988. Т. 4. С. 304.

⁵ *Ремизов А.* Дневник 1917–1921 / Подг. текста А. М. Грачевой, Е. Д. Резникова. Вст. ст. и коммент. А. М. Грачевой // Минувшее. Исторический альм. Вып. 16. М.: СПб., 1994. С. 465. Далее текст Дневника и Приложений цитируется по этому изданию.

⁶ См., напр.: *Туниманов В. А.* Е. И. Замятин // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 1992. Т. 2. С. 321.

⁷ *Lampf H.* Political satire of Remizov and Zamjatin on the pages of Prostaja Gazeta // *Aleksej Remizov. Approaches to a Protean Writer* / Ed. by G. N. Slobin. Columbus, 1987. P. 245–259.

из России), где их творческие и жизненные судьбы пересекались. Для подхода к анализу предмета исследования — ремизовских помет на романе «Мы» — существенно отметить еще два эпизода в их петербургском бытии тех лет.

С момента своего возвращения в Петербург Замятин стал деятельным участником ремизовской Обезьяньей Великой и Вольной Палаты — неформального дружеского общества, возглавляемого никем не видимым царем Асыкой. Обезвельволпал в период с 1917 по 1921 гг. приобрел характер своеобразной оппозиции, скрытой под ернической маской, но отчетливо направленной против большевистского режима. Замятин вошел в Обезвельволпал под именем епископа обезьяньего Замутя. Одно из «заседаний» этого общества периода 1920 г. зафиксировал в своих воспоминаниях художник В. А. Милашевский: «Михаил Алексеевич (Кузмин. — А. Г.) предложил мне отправиться вместе на заседание “Обезьяньей палаты” к ее Верховному магистру Алексею Михайловичу Ремизову. <...> Стали подходить рыцари Капитула. Вячеслав Шишков. <...> Замятин Евгений Иванович. <...> Юрий Верховский. <...> Вот и все собравшиеся в этот первый вечер моего знакомства. Скоро все сели за стол. <...> “Кушайте! Кушайте! — говорил Алексей Михайлович. — Чем богаты, тем и рады!.. Это ведь присыпано толченой печенью Черного Ворона!.. Попробуйте-ка достать!” // Потом, понизив голос до шепота, со значительным видом и убежденностью старого знахаря: “Спасает от внезапных арестов!.. Только этим и живем! А то бы!..”⁸. Несмотря на присущее мемуаристу стремление к литературной приукрашенности фактов Милашевский отметил характерное для стиля общения членов Обезвельволпала смешение дружеской шутки с политически ориентированной издевкой над мрачными парадоксами революционной действительности.

Другим существенным для исследуемой темы фактом является создание Замятиным в 1920 г. пьесы «Огни св. Доминика», в которой под плановой для ТЕО Наркомпроса темой создания исторической картины скрывалась сатира на принудительное создание счастья на земле насильственными методами. Именно Ремизову было поручено дать контрольную рецензию на пьесу. Позднее писатель опубликовал ее под названием «Ни за нюх табаку». В рецензии Ремизов подчеркнул принципиальную полисемантическую пьесы: «Зритель: простецы поверят — картина живая: — вот она инквизиция, теперь знаем; политики очередных хвостов такое разглядят в пьесе, о чем

⁸ Милашевский В. Вчера, позавчера... Воспоминания художника. 2-е изд. М., 1989. С. 155, 157–159.

автор ни сном, ни духом — они проникнут в потаенный карман и там найдут желаемый кукиш; протестанты утвердятся — вот так-то они всегда и думали. Успех обеспечен» (с. 92)⁹. В современном замятиноведении ныне общепризнано, что пьеса Замятина имеет тематические переклички с создававшимся в то же время романом «Мы». Как будет показано далее, учитывал это и Ремизов, не случайно дав определение, что замятинское произведение — это «историческая картина на лад доморощенным сатирическим сказкам» (с. 93–94).

По тематике ремизовские пометы на тексте романа «Мы» можно разделить на несколько групп.

Первая из них — это лексические штампы применяемого героями «новояза» и шаблоны массовой культуры Единого Государства. Например, Ремизов отчеркивает такие обороты речи, как «сексуальный день» (с. 12)¹⁰, «*Lex sexualis*»: «всякий из номеров имеет право — как на сексуальный продукт — на любой номер» (с. 22); «снимаю свою запись на вас» (с. 92). Отмечаются образы, связанные с характеристикой официального искусства: «... я наслаждался сонетом, озаглавленным “счастье”. Думаю — не ошибусь, если скажу, что это редкая по красоте и глубине мысли вещь» (с. 59); «А “Шипы” — этот классический образ: Хранители — шипы на розе, охраняющие нежный Государственный цветок от грубых касаний» (с. 61). Вычленение подобного лексического и образного рядов связано с проблемами «языковой порчи» и стилевой небрежности, занимавшими и Ремизова, и Замятина в первые пореволюционные годы. В этом плане замятинский «Паноптикум» с подзаголовком «Тетрадь примечаний и мыслей Онуфрия Зуева»¹¹, в котором писатель совместно с К. Чуковским коллекционировал стилевые и семантические ошибки, перекликается с ремизовскими статьями из книги «Крашенные рыла» и более поздним циклом статей «Щуп и цапля»¹², посвященным той же теме.

Большое число помет относится к теме *личность и государство*, соотношение «Я» и «Мы». Ремизов подчеркивает реалии быта человека в Едином Государстве, восходящие к реалиям жизни большевистской России. Например: «Я похолодел. Я знал, что это значит — показаться на улице позже 22 1/2» (с. 53); «Не ясно ли: допускать, что у “я”

⁹ Здесь и далее цитаты приводятся по изд.: Ремизов А. Крашенные рыла. Театр и книга. Берлин, 1922, — с указанием страниц в скобках.

¹⁰ Здесь и далее цитаты приводятся по изд.: Замятин Е. Мы. Нью-Йорк, 1952, — с указанием страниц в скобках.

¹¹ См.: Замятин Е. Соч.: В 4 т. Мюнхен, 1988. С. 77–92.

¹² Новая газета (Париж). 1931. № 1–3.

могут быть какие-то “права” по отношению к Государству и допустить, что грамм может уравновесить тонну — это совершенно одно и то же. Отсюда — распределение: тонне — права, грамму — обязанности» (с. 100). Динамика ремизовских помет позволяет установить, что писатель отмечает развитие в замятинском произведении как темы подавления личности тоталитарным государством, так и темы бунта против него. Подчеркнуты моменты противостояния «я» и «мы» в эпизоде голосования за Благодетеля. Все описание момента выборов испещрено пометами Ремизова. Они вычленяют столкновение двух потоков сознания — единой покорной массы и выступившей против героини. Фиксирует Ремизов и постепенное изменение сознания главного героя. После насыщенного пометами эпизода выборов следует пропуск, и далее выделена фраза, характеризующая психологический сдвиг в ментальности Д-503: «...я перестал быть слагаемым, как всегда, и стал единицей» (с. 135).

Анализ помет показал, что основное внимание Ремизов уделил вычленению параметров и генезиса двух противопоставленных в романе миров: Единого Государства и того типа сообщества, которое является его антитезой.

В романе писатель тщательно выделил все упоминания о сопоставлении Единого Государства с идеальной христианской моделью мироустройства. Связанные с этой темой пометы начинаются еще с текста вступительной статьи В. Александровой. Ремизов отмечает там изложение замятинского сюжета — рассказа конвоира: «Веду его: морда интеллигентная — просто глядеть противно. И еще разговаривает стервь, а! Разговаривает!» И слышен голос пассажира: «Ну и что ж — довел?!» И ответ: «Довел: без пересадки в царствие небесное. Штычком» (с. V–VI). В самом романе Ремизов отметил все основные христианско-библейские аллюзии Замятина. Он отчеркнул уподобление воспевания Государства «литургии», сравнение сотрудников политической полиции с «ангелами-хранителями», а доноса на своих близких — со священной жертвой на «алтаре» и т. п. Писатель последовательно проследил развитие в романе Замятина гностической телеологической концепции, являющейся одной из структурообразующих доминант произведения.

Представленная в романе модель Единого Государства является, согласно концепции Замятина, практической реализацией идеальной модели христианской теократии, среди идеологов которой были и апологеты инквизиции. Пьеса «Огни св. Доминика» пронизана тем же перетолкованием традиционных христианских понятий, что и писавшийся одновременно с ней роман. Из многочисленных семантических совпадений между пьесой и романом приведу только одно.

Адепт инквизиции Балтазар говорит: «Служба инквизиции — это служба Церкви, и потому это честь для каждого из нас! <...> убийство, ложь — все, что угодно, ради Церкви — благородней, чем благороднейший из подвигов ради сатаны и его слуг — еретиков? <...> Разве неясно, что генеральный инквизитор — вовсе не Мунебрага, а сам Господь?»¹³. В своей рецензии на пьесу Ремизов интерпретировал инквизицию как «величайший огненный соблазн», так как «огонь человеческий стал орудием спасения человека, и не в конечной жизни — устройством жилищ с всегда горячей и холодной водой, электричеством, уборными и лифтом, а в бесконечной — устройством души человеческой с неизреченным блаженством» (с. 94). Используя скрытые реминисценции из «Записок из подполья» Достоевского, рецензент подчеркнул, что он понял подтекст пьесы о благости «человеческого огня» как полемику автора с теориями математически вычисленного счастья, одной из составляющих которых было обоснование социального устройства в виде тоталитарного государства.

Наиболее значительные по объему отчеркивания, касающиеся темы теократии как одного из вариантов диктатуры, произведены в рассказе об изгнании из рая Адама и Евы и в речи Благодетеля (называемого в повествовании «Он» с большой буквы в духе библейской традиции именованного Богом). Ремизов отметил все слова Благодетеля, в которых террор утверждался как единственный метод направляющей роли государства, высшим типом которого является христианская теократия: «Вспомните: синий холм, крест, толпа. Одни — вверху, обрызганные кровью, прибывают тело к кресту; другие — внизу, обрызганные слезами, смотрят. Не кажется ли вам, что роль тех, верхних, — самая трудная, самая важная. Да не будь их, разве была бы поставлена вся эта величественная трагедия? Они были освистаны темной толпой: но ведь за это автор трагедии — Бог — должен еще щедрее вознаградить их. А сам христианский, милосерднейший Бог, медленно сжигающий на адском огне всех непокорных, — разве он не палач? И разве сожженных христианами на кострах меньше, чем сожженных христиан? А все-таки — поймите это, все-таки этого Бога веками славил как Бога любви. Абсурд? Нет, наоборот: написанный кровью патент на неискоренимое благоразумие человека» (с. 183). Подобная трактовка Бога как вдохновителя кровавых жертв, первопричины установления на земле царства несвободы и насилия восходит у Замятина к гностическим учениям, в частности к учениям офитов об одной из низших космических сил — архонте, назвавшем себя Демииургом, или Иалдаваофом, и установившем законы земного

¹³ Замятин Е. Соч. Т. 2. С. 248.

мира. Сходные представления использованы в известном Замятину романе А. Франса «Восстание ангелов» (1914). Но в романе «Мы» влияние гностических учений на идейную концепцию произведения нельзя ограничить только влиянием романа А. Франса. Оно глубже и свидетельствует о глубоком изучении Замятиным еретических учений, одним из проявлений этого интереса было и создание пьесы об инквизиции. Источники, которыми пользовался Замятин, еще предстоит детально выявить, но, как удалось установить, один из них восходит к Ремизову.

Одна из семантически важных помет Ремизова связана с установленной в романе Замятина оппозицией между двумя системами, находящимися под влиянием разных космических сил. Ремизов отчеркнул слова главного героя — человека с тоталитарным типом сознания: «В древнем мире — это понимали христиане, единственные наши (хотя и очень несовершенные) предшественники: смирение — добродетель, а гордыня — порок, и что “Мы” — от Бога, а “Я” — от дьявола» (с. 111). Вторым членом оппозиции является система мироустройства, отделенная от Единого Государства Зеленой Стеной и устроенная на диаметрально противоположных принципах.

Третья семантическая группа помет Ремизова вычленяет основные категории, характеризующие мир за Зеленой Стеной и различные проявления этого мира внутри противостоящего ему Единого Государства.

Первая из помет этой группы выделяет две основные характеристики мира, противопоставленного Единому Государству. На первой странице романа Ремизов подчеркивает слова о планетарной задаче Государства — подчинить своей власти жителей других миров, пребывающих «в диком состоянии свободы» (с. 5). Вдумчивый читатель, таким образом, сразу отмечает две замятинские оппозиции: свобода — несвобода, дикое — социально организованное. Далее пометы Ремизова уточняют Категорию «дикости»: в рассказе Д-503 о давних временах отчеркиваются слова о том, что люди и детей рожали «кто, когда и сколько хотел... Совершенно ненаучно, как звери» (с. 15). Появляется новая выявленная оппозиция: человек (несвобода) — зверь (свобода). Какой именно зверь имеется в виду Замятиным как воплощение антитезы скованному Государством человеку отмечается Ремизовым при первом же косвенном намеке автора. Он отчеркивает фразу: «После того, как у человека отвалился хвост, он, вероятно, тоже не сразу научился сгонять мух без помощи хвоста. Он первое время, несомненно, тосковал без хвоста» (с. 13).

В художественном мировоззрении Ремизова мифологеме «хвост» принадлежит одно из первостепенных мест по объему семантической

наполненности этого понятия¹⁴. Начиная с середины 1910-х гг. в ремизовской мифопоэтической системе «хвост» является метафорой фаллоса, который, в свою очередь, предстает как мифологическая метафора категории свободы. Переход от обезьяны к человеку трактуется Ремизовым, бывшим пропагандистом социал-демократического учения¹⁵, как процесс социализации, переход от хаотического неорганизованного состояния к формированию социума (в том позитивистском духе, в каком дарвинизм был аккумулирован марксизмом), но с обратным оценочным знаком. Для Ремизова, автора так и не опубликованного перевода «Так говорит Заратустра», одного из первых рецензентов книги Л. Шестова «Апофеоз беспочвенности»¹⁶, позитивизм с его обожествлением разума и утверждением примата социального фактора в развитии человеческого общества навсегда остался ложной доктриной, лежащей в основе социальных и, прежде всего, социалистических учений. Не случайно расцвет Обезьяньей Великой и Вольной Палаты пришелся на время начала проведения в России социального эксперимента — периода военного коммунизма. Именно тогда формулируется «идеология» Обезвельволпала, которая, как гласит ее конституция, «есть общество тайное — // происхождение — темное, // цели и намерения — исповедимые»¹⁷. Подобная формулировка понятна во временном контексте ее создания — моменте становления диктатуры пролетариата с запретом альтернативной политической деятельности. В романе «Мы» Ремизов отмечает газетное объявление, прочитанное Д-503: «Одна короткая строчка: “По достоверным сведениям — вновь обнаружены следы до сих пор неуловимой организации, ставящей себе целью освобождение от благодетельного ига Государства”» (с. 34). Примечательно, что единственно не отмеченным фактически, но (как будет видно в дальнейшем) увиденным Ремизовым стало первое прямое упоминание об обезьянах. При первой встрече Д-503 с героиней, связанной с альтернативным Государству миром, она отмечает единственный признак, который свидетельствует о воз-

¹⁴ О раннем происхождении этой мифологемы см.: *Обатнина Е.Р.* От маскарада к третейскому суду («Судное дело об обезьяньем хвосте» в жизни и творчестве А. М. Ремизова) // *Лица. Биографический альм.* Вып. 3. М.; СПб., 1993. С. 448–466.

¹⁵ См.: *Грачева А.М.* Революционер Алексей Ремизов: миф и реальность // Там же. С. 419–448.

¹⁶ *Ремизов А.* По поводу книги Льва Шестова «Апофеоз беспочвенности» // *Вопросы жизни.* 1905. № 7.

¹⁷ *Ремизов А.* Взвихренная Русь. Париж, 1927. С. 272. Впервые опубл.: *Бюллетени Дома Искусств в Берлине (Берлин).* 1922. № 1/2.

можности попытаться освободить сознание Д-503 от тоталитарного мышления. Данный сквозь призму повествования от лица самого героя, этот признак рассматривается им как недостаток: «— Нет, покажите-ка, покажите-ка руки! // Терпеть не могу, когда смотрят на мои руки: все в волосах, лохматые — какой-то нелепый атавизм. Я протянул руку и — по возможности посторонним голосом — сказал: — Обезьяны. // Она взглянула на руки, потом на лицо: — Да, это прелюбопытный аккорд»¹⁸. Лейтмотивное упоминание об обезьяньих руках героя всегда является в романе тогда, когда его сознание переступает барьер тоталитарной ограниченности. Например, Д-503 размышляет о совершенстве Единого Государства, но «внутри как-то облачно... или это — мои лапы, ...мои лохматые лапы... это след дикой эпохи»¹⁹. Или когда он получает фактически приглашение на свидание: «Я торопливо засовывал извещение в карман — и увидел свою ужасную, обезьянью руку»²⁰. Следующая ремизовская помета относится к описанию мира за Зеленой Стеной.

Этот мир — вторая универсалия, формирующая идейно-художественную структуру произведения и, соответственно, его жанровую природу. Если мир Единого Государства — это антиутопия, то альтернативный ему мир — утопия. Его характеристики составляют принципиально противопоставленные: идее государственности — идея абсолютной свободы, т. е. анархии; антиэтической теократии Древнего Бога (Иалдаваофа) — этически гармоничное почитание Мефи (в редакции романа 1927 г. уточнено: Мефи — Мефистофель²¹). Если цель Единого Государства — перенести свою политическую модель, как единственно совершенную, на все другие миры, то цель обитателей мира за Зеленой Стеной: «...мы разрушим эту Стену — все стены — чтобы зеленый ветер из конца в конец — по всей земле»²². Наконец, обитатели этого мира утопии — нарушившие запреты Единого Государства люди и те, облик которых так дан через восприятие главного героя: «На поляне — люди... или уж я не знаю как: может быть правильнее — существа. <...> толпа в триста — четыреста... человек, — пусть — “человек”, мне трудно говорить иначе.

¹⁸ Цитаты из романа «Мы» даны по изд.: Замятин Е. Избранное. М., 1989. С. 312.

¹⁹ Там же. С. 321.

²⁰ Там же. С. 340.

²¹ Ср.: Редакция 1927 г.: «Мефи. Это — мефисто. Ты помнишь: там, на камне изображен юноша...» (Воля России (Прага). 1927. № 4. С. 5). Окончательный текст: «Мефи? Это — древнее имя, это — тот. Который... Ты помнишь: там, на камне — изображен юноша...» (Замятин Е. Избр. С. 417).

²² Там же. С. 411.

<...> вороные, рыжие, золотистые, караковые, чалые, белые люди, — по-видимому, люди. Все они были без одежд и все были покрыты короткой блестящей шерстью — вроде той, какую всякий может видеть на лошадином чучеле в Доисторическом Музее. Но у самок — были лица точно такие — да, да, точно такие же, — как и у наших женщин: нежно розовые и не заросшие волосами, и у них свободны от волос были также груди — крупные, крепкие, прекрасной геометрической формы. У самцов без шерсти была только часть лица²³ — как у наших предков»²⁴/ Это описание фантастических существ, подобных «предкам» человека — т. е. обезьянам. Но это не зоологические обезьяны, а особая ветвь того же класса — утопические обезьяны, восходящие, как представляется, к обитателям обезьяньего царства Асыки. Сравните начало ремизовского обезьяньего Манифеста: «Мы, милостью всевеликого самодержавного повелителя лесов и всея природы — // АСЫКА ПЕРВЫЙ // верховный властитель всех обезьян и тех, кто к ним добровольно присоединился, презирая гнусное человечество, омрачившее свет мечты и слова, объявляем хвостатым и бесхвостым, в шерсти и плешивым, приверженцам нашим, что здесь в лесах и пустынях нет места гнусному человеческому лицемерию, что здесь вес и мера настоящие и их нельзя подделывать и ложь всегда будет ложью, а лицемерие всегда будет лицемерием <...> никакие ухищрения пузатых отравителей в своем рабьем присяде, как будто откликающихся на вольный клич, но не допускающих борьбу за этот клич, не могут быть допустимы в ясно-откровенном и смелом обезьяньем царстве, и всякие попытки подобного рода будут караемы изгнанием в среду людей человеческих»²⁵.

В Обезьяньем Манифесте, построенном по шаблону царских манифестов, вместо формулы «милостью Божией», использована формула «милостью... повелителя лесов и всея природы», т. е. дано противопоставление, сходное с использованным в романе «Мы» (покровитель Государства — Бог = Иалдаваоф, а покровитель свободного мира — иное верховное существо — Мефи). Само «обезьянье царство» является антитезой «среде людей человеческих» (далее по другим «обезьяньим документам» уточним определение соци-

²³ Ср. снятую в окончательном тексте сексуальную акцентуацию редакции 1927 г.: «У самцов без шерсти была только часть лица — как у наших предков — и органы размножения (совершенно подобные нашим)» // Воля России (Прага). 1927. № 3. С. 30.

²⁴ *Замятин Е.* Избр. С. 410.

²⁵ *Ремизов А.* Взвихренная Русь. С. 273–274. Далее цитируется по этому изданию.

ального устройства этого сообщества). Обитатели его — обезьяны и присоединившиеся к ним люди. Ремизов неоднократно упоминал о том, что его обезьяны сродни благородным лошадям — гуингнмам, противопоставленным в романе Свифта «особенной породе животных еху»²⁶. У Свифта животные (лошади) — воплощение лучшего, тогда как люди (еху) — самого мерзкого. В замятинском описании «существ» мира за Зеленой Стеной примечательно сравнение их шерсти с шерстью «лошадиного чучела», да и сам ее цвет дан в терминологии описания лошадиной масти. Структура же самого описания — соотношения «человеческой» наготы и «звериного» волосяного покрова — обратно пропорциональна их соотношению в свифтовском описании еху: «Наконец, я увидел в поле каких-то животных... Их крайне странная и безобразная внешность несколько смутила меня. <...> Голова и грудь у них были покрыты густыми волосами — у одних вьющимися, у других гладкими; бороды их напоминали козлиные; вдоль спины и передней части лап тянулись узкие полоски шерсти; но остальные части тела их были голые, так что я мог видеть кожу темно-коричневого цвета. Хвоста у них не было, и ягодицы были голые, исключая места вокруг заднего прохода... Самки были несколько меньше самцов; на голове у них росли длинные гладкие волосы, но лица были чистые, а другие части тела были покрыты только легким пушком, кроме заднего проходного отверстия и срамных частей; вымя их висело между передними лапами и часто, когда они ползли на четвереньках, почти касалось земли. Волосы как у самцов, так и у самок были различных цветов: коричневые, черные, красные и желтые. В общем, я никогда еще не встречал более безобразного животного» (с. 453–455). Как видно при сравнении, замятинское описание «существ», с одной стороны, отталкивается от сатирического изображения «людей» у Свифта, а с другой — через уподобление их свифтовским же «лошадям» — вновь намекает на близость обитателей мира за Зеленой Стеной ремизовским обезьянам.

Читая роман, Ремизов перестал делать пометы в главах, посвященных миру за Стеной. И это значимо, поскольку, кроме этих глав, все остальные имеют в своем составе отдельные места, выделенные писателем. Следующая его помета касается итоговой характеристики обитателей этого мира — как бы мировоззренческой сути их противостояния миру Единого Государства: «Голые — они ушли

²⁶ Свифт Дж. Путешествия в некоторые отдаленные страны света Лемюэля Гулливера сначала хирурга, а потом капитана нескольких кораблей. Л.; М., 1936. С. 449. Далее цитируется по этому изданию.

в леса. Они учились там у деревьев, зверей, птиц, цветов, солнца. Они обросли шерстью, но зато под шерстью сберегли горячую, красную кровь» (с. 141).

То, что замятинская «теза» — гармоничный мир «существ», обросших шерстью, восходит к ремизовским обезьянам, доказывает и параллельная работа над романом «Мы» «обезьянья» переписка двух писателей.

В 1919 г. в первом номере журнала «Записки мечтателей» появился раздел «Тулумбас». Это название одновременно было названием опубликованного в нем монтажного произведения Ремизова. Согласно Словарю Даля, тулумбас — «большой турецкий барабан, в который бьют одной колотушкой»²⁷. Согласно Словарю Срезневского, он упоминался в древнерусском тексте периода Бориса Годунова²⁸, но более существенен факт²⁹ функционирования этого слова в новой литературе. Тулумбас упомянут в главе «Казнь» романа А. К. Толстого «Князь Серебряный». Эта глава является кульминацией романа, в которой в сконцентрированном виде изображен террор времени Ивана Грозного и обличение его вдохновителя и исполнителей устами юродивого Василия Блаженного. Звук тулумбасов сопровождает царскую процессию,двигающуюся вместе с осужденными к месту казни: «Тишину прервал отдаленный звон бубен и тулумбасов, который медленно приближался к площади. Показалась толпа конных опричников, по пяти в ряд. Впереди ехали бубенщики, чтобы разгонять народ и очищать дорогу государю, но они напрасно трясли свои бубны и били воцагами в тулумбасы: нигде не видно было живой души»³⁰.

Раздел «Тулумбас» предварен рисунком Ремизова, изображающим скоморохов. Далее следуют три части. Первая — это как бы «историческое введение» о роли скоморохов в истории России. В первые пореволюционные годы Ремизов много занимался истоками народного театра, изучал литературу о скоморохах. Для него в это время особую актуальность обрела историческая роль скоморошества как своеобразной формы народного протеста против власть имущих. Ремизов открывает раздел прямой декларацией: «В погибельный год жизни — в смуту, разбой и пропад — когда, казалось, земля,

²⁷ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1–4. СПб.; М., 1882. Т. 4. С. 442.

²⁸ *Срезневский И. И.* Материалы для Словаря древнерусского языка. СПб., 1903–1912. Т. 3. Стб. 1036.

²⁹ *Словарь современного русского литературного языка.* М.; Л., 1963. Т. 15. Стб. 1115.

³⁰ *Толстой А. К.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1969. Т. 2. С. 444.

на которой стоишь, разверзается, готовая поглотить тебя с отчаянием твоим, в минуты горчайшей народной беды и обиды выступали на Руси скоморохи. Звенели на шапках бубенчики, гудели тулумбасы, пищали дудки»³¹. Введение ни в одном источнике не употребленного в применении к скоморохам слова «тулумбасы» как бы соединяет семантическое понятие «скоморох» с другим, не менее значимым на Руси, понятием «юродивый». Как отметил исследователь социокультурного явления юродства А. М. Панченко, «в осмеянии мира юродство тесно соприкасается с шутством, ибо основной постулат философии шута — это тезис о том, что все дураки, а самый большой дурак тот, кто не знает, что он дурак. <...> Иначе говоря, мир сплошь населен дураками, и единственный неподдельный мудрец — это юродивый, притворяющийся дураком»³². Для Ремизова обличительная функция скоморошины, когда лицо автора скрывается за «крашеним рылом», становится актуальной в условиях тогдашней русской действительности. Вспомним, что к форме скоморошьего обличения Ремизов обратился вместе с Замятиным в сказках, написанных под псевдонимами в 1917 г. для «Простой газеты». Одна из анонимных публикаций Ремизова была подписана «Скоморох Терентий» и называлась «Скоморошьи лясы. Бабинькин кочет (Жомиссару просветительному)»³³. Псевдоним был взят из известной былины сборника Кирши Данилова «Про гостя Терентиша» и был составлен из имени купца, пригласившего к жене необыкновенных лекарей и их настоящей профессии — скоморохов. В самой же скоморошине Ремизова, язвительно высмеивавшей всезнайство наркома Луначарского, имелись такие примечательные слова: «Говорит он о чем хочешь: // сегодня о христианстве, // завтра об обезьянстве» (с. 3). «Обезьянская» тема проходит и в других сказках для «Простой газеты», атрибутированных Х. Ламплем как принадлежащие и Замятину («Катушок. Расправа»), и Ремизову («Максимыч»).

В первую часть «Тулумбаса» Ремизов, кроме прямой декларации о скоморохах, ввел прямые цитаты из былины «Про гостя Терентиша». Вторая часть — байка о переломе русской жизни при Петре I, написанная в форме повествования от лица императорского кафтана. Третья часть — Манифест обезьяньего царя Асыки. Таким образом, Ремизов уже в первой публикации раздела «Тулумбас» соединил скоморошью и обезьянью темы, воскресив принципы

³¹ Ремизов А. Тулумбас // Записки мечтателей. 1919. № 1. С. 143.

³² Панченко А. М. Юродство как общественный протест // Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 128.

³³ Простая газета. 1917. № 17. 30 нояб. С. 3.

политической сатиры, характерные для совместных с Замятиным публикаций в «Простой газете».

В следующем номере «Записок мечтателей», в том же разделе «Тулумбас» появилось «Послание смиренного Замуття, епископа обезьянского»³⁴. По жанру это достаточно точное воспроизведение древнерусского жанра посланий духовных лиц. Само же содержание этого произведения свидетельствует об обыгрывании Замятиным принципов создания произведений русской демократической сатиры XVII в., таких как «Калязинская челобитная» и в особенности — «Сказание о роскошном житии и веселии». В подобных произведениях устойчивые жанровые и лексические формы использовались для наполнения их прямо противоположным содержанием, за счет чего и создавался сатирический эффект. Послание епископа Замуття характеризуется профессиональным знанием церковной лексики и использованием ее в пародийных целях. Послание обнаруживает наибольшую лексическую и семантическую близость к «Слову на осуждение новгородских еретиков» русского церковного деятеля конца XV — начала XVI в. Иосифа Волоцкого, игумена основанного им Волоколамского монастыря. Он прославился борьбой с еретиками и призывами к методам их уничтожения, сходными с методами испанской инквизиции. Слово было включено под номером «13» в его книгу «Просветитель», целиком направленную против еретиков. Именно в 13-м Слове содержатся упоминания о заушении нечестивого Ария, о наказании еретиков онемлением, о твердом пасении духовного стада. Замятин не воспроизводит точных цитат из Слова Иосифа, но реконструирует с пародийными целями сходный с Иосифом Волоцким психологический облик автора своего Послания, твердого сторонника сурового монастырского устава.

Единственная скрытая аллюзия, включенная в состав Послания, — это упоминание о «тайно воскуряющих курение диаволу табаком — проклятым зельем, произросшим от Саврасиева мерзкого удища» (с. 178). Это прямая отсылка к ремизовскому сказанию «Что есть табак» (1908)³⁵.

Включенное в «обезьянский контекст», Послание епископа Замуття приобретает значение антиутопии. Идеальный «монастырь», в который превращена земля Алатырская, по принципам своего жизнеустройства обратно противоположен вольному обезьяньему

³⁴ Записки мечтателей. 1921. № 2–3. С. 177–179. Далее цитируется по этому изданию.

³⁵ См. рукописный экз. сказания «Что есть табак» в архиве Е. Замятина (РНБ. Ф. 292. Ед. хр. 23).

царству. Если перевести все обстоятельства жизни в этом «монастыре» с языка Алатырской земли на обезьянский, то получается та же картина тоталитарного государственного устройства, которая изображена и в романе «Мы». При этом в создании нового варианта антиутопии Замятин пользуется тем же приемом — написания текста от имени героя, чье сознание находится всецело в рамках ментальности данной системы. А подразумеваемой антитезой опять-таки остается находящееся за чертой, за «Зеленой Стеной» вольное обезьянское царство.

В августе 1921 г. Ремизов покинул Россию, но вместе с текстом своего дневника он увез ряд оставшихся неопубликованными произведений. Часть из них вошла в дальнейшем в книгу «Взвихренная Русь», опубликованную в 1927 г. В ее состав вошла глава «Обезвелоупал», обрамленная «обезьяньими» документами. В начале ее помещены Конституция и Манифест, а в конце — «Донесение обезьяньего посла обезьяньей вельможе» и обезьянье свидетельство.

«Донесение» — это текст, слегка стилизованный под эпистолярную форму начала XIX в. Его автор — представитель Обезьяньего царства, который смотрит на происходящее в «великой белой империи» глазами, не замутненными приятием окружающего. Он противопоставляет окружающее его в мире людей существующему в свободном обезьяньем царстве. То есть в этом произведении Ремизов как бы продолжает традицию Послания епископа Замутия. Но если тот видит все с точки зрения сознания, уже поглощенного системой, то обезьяньий посол оценивает то же самое с позиций обезьяньей утопии. То есть нормы. Поэтому все происходящее у людей предстает в его послании как царство абсурда: «Все люди вышли из скотских загонов и объявили, что они человеки, но при этом они стали разбрасывать нечистоты на площадях и улицах, утверждая, что во всеобщем засорении заключается истинная свобода... они стали не облегчать себе жизнь, а затруднять, причиняя всевозможные насилия во имя свободы» (с. 294). Заключается же Донесение программным утверждением, что «превратиться из человека в обезьяну не так трудно. <...> Преимущества же обезьян, если взглянуть трезво, безусловно выше человеческих» (с. 295). Таким образом, Донесение является произведением, где политическая публицистика выходит за рамки эзопова языка и превращается в прямое обличение, лишь слегка прикрытое «обезьяньим» флером.

Рукописный текст «Донесения» находился в виде отдельного белого автографа под заглавием «Из временника» в составе дневниковых папок Ремизова. Сличение рукописного варианта с опубликованным показывает ряд имеющихся лексических вариантов. В рукописном варианте, вместо «великой белой империи» (с. 294), было: «великой

свинарной империи» (с. 512); вместо «нам, интеллигентным обезьянам, было смешно, когда писатели скальвали лед на улицах и разгружали барки с дровами» (с. 294), было: «нам, интеллигентным обезьянам, было смешно, когда писатели скальвали лед на улицах, а рабочие писали драмы» (с. 513). Как выявлено после сопоставления текстов, первоначальный вариант был еще более сближен с реалиями Советской России начала 1920-х гг. Он появился в печати в 1927 г. тогда же, когда в журнале «Воля России» была опубликована первая сокращенная редакция романа «Мы» с примечанием, что это сокращенный перевод с чешского. Как уточнялось, это «извлечения из романа. Для большей точности и приближения к подлиннику, мы постоянно сличали чешский перевод с английским, вышедшим в 1925 г. в Нью-Йорке»³⁶. Ремизов был тесно связан с редакцией журнала, в котором сам публиковался. Номера журнала с текстом романа находились в его библиотеке (ныне в Архиве Лидского университета, Англия). Он знал, что в журнале опубликован не перевод, а авторский текст, и понимал, чем это может грозить автору, остававшемуся в советской России. В связи с этим знаменателен факт публикации в составе «Взвихренной Руси» «Донесения обезьяньего посла», которое, как можно лишь гипотетически предположить, было предназначено для того же «обезьяньего» раздела в «Записках мечтателей», но не появилось в нем, скорее всего, по цензурным соображениям. Оно не было опубликовано в берлинский период, когда писатель напечатал весь остальной корпус «обезьяньих» текстов, вошло в состав «Взвихренной Руси» с одной значимой опечаткой. Прежде чем назвать ее, надо напомнить, что Ремизов до последних дней (даже почти ослепнув) тщательно держал корректуры своих произведений. Поэтому знаменательно следующее написание: «Нет, я никогда не унижусь до того, чтобы когда-нибудь захотеть стать человеком, как об этом мечтала моя бабушка, находившаяся в крепостном состоянии у бывшего барона фон-Пфиферганга в городе Штумбенебурге, Мы видим противоположное явление: наиболее почтенные из людей с удовольствием отказываются от своего человеческого достоинства и, переходя в наши ряды, становятся подданными великого Асыки» (с. 295). Как видим, после запятой слово «Мы» написано с заглавной буквы. В рукописном варианте «Донесения» перед словом «Мы» поставлена точка, подтверждающая написание с большой буквы (с. 513). В связи с этим подобная «опечатка» у писателя, столь внимательного к пунктуации своих текстов, представляется сознательной. Возможно, что подобным эзоповым языком Ремизов напомнил об их оборванной публицистической серии в «Записках мечтателей» и включил роман

³⁶ Воля России (Прага). 1927. № 2. С. 3.

«Мы» в состав цикла произведений, формирующих комплекс обезьяньей утопии.

Таким образом, анализ помет показал, что при чтении первого отдельного издания романа «Мы», Ремизов отметил темы и мотивы произведения, которые возникли в атмосфере творческого содружества обоих писателей в период работы Замятина над своим произведением.

Обезьянья утопия была и для Ремизова, и для Замятина не только формой эскейпизма от реальности, но прежде всего формой скоромощей или юродской маски, позволяющей выражать протест против формирующейся тоталитарной системы. Ремизов знал о работе Замятина, возможно, был даже знаком с начальной редакцией произведения. Свидетельство тому — прощальная запись Замятина в альбоме С. П. Ремизовой-Довгелло, сделанная перед отъездом Ремизовых за границу:

«СПб. 28-VII-1921

— Древняя легенда о рае — это, в сущности, о нас, о теперь, и в ней есть глубокий смысл. Вдумайтесь: этим двум в раю был предоставлен выбор — или счастье без свободы, или свобода без счастья; третьего — не дано. Они выбрали свободу — и вечно тосковали об оковах. И вот только теперь Мы снова сумели заковать людей — и, стало быть, сделать их счастливыми. Мы помогли древнему Богу окончательно одолеть древнего дьявола, толкнувшего людей нарушить запрет и вкусить пагубной свободы...

Евг. Замятин

(Это — кусочек из ром<ана> “Мы”)»³⁷.

Над текстом поздняя помета рукой Ремизова: «Евгений Иванович Замятин †».

Сравнение этого отрывка с окончательным текстом романа «Мы» показало, что это часть первоначальной редакции произведения. В приведенном отрывке значимо употребление местоимения *Мы* с большой буквы в середине предложения (после слова «теперь»). Может быть, ремизовское немотивированное «Мы» во «Взвихренной Руси» — не ошибка набора, а сознательный скрытый оклик друга, оставшегося по другую сторону Зеленой Стены.

³⁷ Архив А. М. Ремизова. Собрание Резниковых (Париж).